

Модный Светъ

Иллюстрированный журналъ для дамъ

Годовая цена I-го издания:		Журналъ „Модный Светъ“		Годовая цена II-го издания:	
Съ 12 раскрашенными картинками:		выходитъ въ количествѣ 48 номеровъ въ годъ, съ 2000 полнѣйшими рисунками въ текствѣ, съ 12 лѣтними вырѣзками, 12 вырѣзками вырѣзками изъ натуральную величину и 12 или 24 раскрашенными картинками парижскихъ модъ.		Съ 24 раскрашенными картинками:	
Въ С.-Петербургѣ, безъ доставки	4 р. — к.	Обязанности въ журналъ „Модный Светъ“ прилагаются въ Которой Редакція и является плата за тѣмъ же по 10 к. за строчку пожелания, или за ее много.		Въ С.-Петербургѣ, безъ доставки	5 р. — к.
— съ доставкой	5 • 50 •			— съ доставкой	6 • 50 •
Съ пересылкою въ другіе города	6 • — •			Съ пересылкою въ другіе города	7 • — •

СОДЕРЖАНИЕ: За тронъ и жизнь. Историческій романъ Гюльста. (Продолженіе). — Паша въ швейцар. (Продолженіе). — Цезарь Кавира. Фантастическій романъ. (Продолженіе). — Живая любовь. Повесть Фрица фонъ-Ниммердорфа. — Фелетонъ. — Сибирь. — Продолженіе описанія рисунковъ № 15. — Почтовый ящикъ. — Объясненіи

За тронъ и жизнь.

ИСТОРИЧЕСКІЙ РОМАНЪ ГЮЛЬСТА.
(Продолженіе).

Вѣстие этого извѣстія на сара Пендерграса было такъ сильно, что онъ едва устоялъ на ногахъ. Онъ съ трудомъ держался за большой столъ, стоявшій подлѣ него; голова наклонилась ему. Передъ нимъ ясно возстаала новая опасность и неперитіе его положеніи. Отказать королю въ гостепріимствѣ не было никакой возможности. — Пендерграсъ отказался на это изъясненіе компромитировалъ бы всю свою партію; съ другой стороны, въ его груди боролось чувство великодушія съ долгомъ, который возлагало на него данное Портеру слово. Пендерграсъ былъ на столько благодаренъ, чтобы почувствовать весь ужасъ своего положенія. Короли, врагъ его, котораго онъ старательно избѣгалъ, добрычю по идти къ нему, хотѣлъ почтѣть безъ стражи въ домъ чужаго, враждебнаго чувства котораго ему извѣстно, идти потому, что рассчитывается на благопріятство этого человѣка. Онъ избралъ своего прага для охраненія себя во время сна и вотъ, въ это-то самое время, когда король, не предчувствуя никакой опасности, спокойно почиваетъ подлѣ кроватки сара Джона, — какъ разъ въ это время очнувшись монарха долженъ оставить его, чтобы присутствовать на заговорѣ, угрожающемъ его гостю. Пендерграсъ затрепеталъ при этой мысли: но вѣстакъ онъ не могъ измѣнить дѣла: онъ далъ слово быти автра въ Ромей-Мооръ; если онъ не явится туда, то будетъ заподозрѣнъ. Сознавъ любовь, давшій слово присутствовать въ собраніи приверженцевъ нашего короля и не явившійся туда по той причинѣ, что смертельный врагъ этого короля у него въ домѣ, — такой союзникъ долженъ быть названъ измѣнникомъ, шпиономъ — подвергнутъ общему презрѣнію. Бы счастья Пендерграса, Генрихъ былъ очень добродушенъ. Онъ принялъ дагое молчаніе за удивленіе и радостное замѣшательство, причиненное доверчивостью короля.

— Ну, не правду ли я говорю? вскричалъ онъ радостно. Развѣ король врагъ католиковъ. Не правъ—ли я?

— Вы совершенно правы, — сказала сэръ Джонъ.

— Да, правда. Его величество пристыдилъ меня какъ нельзя болѣе.

— И такъ, я доведу, что вы завтра примете здѣсь его величество?

— Разумѣется, простоналъ сэръ Джонъ.

— Король нисколько не стѣснитъ васъ, сказалъ Генрихъ весело. «Онъ, какъ настоящій солдатъ, будетъ доволенъ всѣмъ, что вы предложите ему; свиты онъ не беретъ съ собою, значитъ вы можете быть покойны. О! какъ я радъ, что случай привелъ его къ вамъ; какъ онъ обрадуется, когда я завтра раскаяю ему, что вы для меня... нѣтъ», прибавилъ онъ тихо, «кто вы были для меня».

Въ эту самую минуту дверь въ залу распахнулась и въбѣжала Зала съ радостнымъ крикомъ: «Генрихъ! Генрихъ!». Она узнала своего друга дѣтства, она подслушала. Генрихъ протянулъ къ ней обѣ руки, но строгій взглядъ сара Джона остановилъ дочь — она на минуту остановилась передъ Генрихомъ и опустила глаза.

— Сэръ Генрихъ! промолвила она, «извините меня». Генрихъ хотѣлъ было тѣло отвѣтить, но слова замери у него на языкѣ, потому что бабушка, мистрисъ Анна, вышла въ комнату. Она видѣла эту сцену и устремила на Генриха язвительный взглядъ.

— А — сказала она проницательнымъ тономъ, «опять здѣсь, сэръ Гоббартъ? Въ Америкѣ нехорошо. Но бѣдныя яблочки не могутъ вамъ помочь».

— Вы ошибаетесь, матушка, сказалъ Пендерграсъ. Генрихъ Гоббартъ въ васъ не пугается. Онъ занимаетъ хорошую должностъ. Онъ принадлежитъ къ лѣвбъ-гвардіи короля Вильгельма. Мистрисъ Анна устремила гнѣвный взглядъ на Генриха. «Хороша ли эта должностъ, извѣстно одному Богу. Я думаю, что онъ допускаетъ жить на землѣ злыхъ людей намъ въ наказаніе. Это надобно у насъ сэръ Гоббарту въ такой позидный часъ? Неужели вѣрные не должны имѣть покоя оттого, что Навуходоносоръ путешествуетъ по государствѣ?»

— Матушка, гнѣвно вскричалъ сэръ Джонъ, «не затѣвайте безполезной ссоры. Король вовсе

не желаетъ беспокоить насъ. Напротивъ. Онъ хотѣлъ показатъ, какъ далеко онъ отъ строгихъ мѣръ противъ насъ; онъ возвѣстилъ мнѣ черезъ Генриха Гоббарта, что завтра утромъ остановится въ моемъ домѣ».

— Кто? кто остановится у тебя? вскричала старуха.

— Король Вильгельмъ англійскій, спокойно промолвилъ сэръ Джонъ.

— И ты примешь его, мой сынъ? Ты—явный приверженецъ Стюарта, допустишь почтѣть врага твоего законнаго государя въ своемъ домѣ?

— Я долженъ быть гостепріименъ. Язычники и турки не прогоняютъ врага, просящаго у нихъ крова—я не могу отказать королю въ почтѣти.

— Ты можешь, вскричала старая фанатичка. Нарушители великихъ правъ, враги твоей церкви, ты не допустишь перепагнуги порога твоего дома. Я сострадаю къ бѣднымъ помещикамъ, къ несчастнымъ ремесленникамъ, но коронованному врагу моей церкви я указываю дверь».

— Все такая же застарѣлая, злая панистка, бормотала Генрихъ. Зала было можно смотрѣть на то отца, то на лѣвбъ-гвардейца.

— Мнѣ хотѣлось бы кончить этотъ споръ, сэръ, сказалъ Генрихъ: «будьте такъ добры, скажите, какой отцѣ долженъ я принести его величество. Если вы откажетесь принять его, то я могу сказать, что сэръ Пендерграсъ не хозяинъ въ домѣ, но что онъ подчиненъ своей матери, враждебной новымъ порядкамъ; его величество можетъ и не останавливаться въ Кильбурнхаузѣ».

— Да—да, скажите это вамъу Олоферну, вскричала старуха. — Если въ немъ еще есть хоть не много справедливости, то онъ пойметъ, почему мы...»

— И я здѣсь хозяинъ въ домѣ, повторяю еще разъ, прогнѣвъ наконецъ Пендерграсъ. «Я призываю молчать. Я открытый приверженецъ Стюартовъ, ревностный паниста, я расстался съ моею дочерью, которую любилъ, потому что она не раздѣляла моихъ убѣжденій,—но я дворянинъ, король Вильгельмъ также, а ни одинъ дворянинъ не долженъ отказыватъ другому въ гостепріимствѣ. Мой домъ открытъ и я, волей-неволей, всасалъ Оранца. Скажите королю, Генрихъ, что я

жду къ себѣ противника, довершагося мѣл. Я готовъ принять короля».

— Благодаря сему, саръ Джонъ, вскричалъ Генрихъ. «Теперь позвольте мнѣ раскланяться; мнѣ кажется, что меня не желаютъ имѣть гостемъ».

Пендерграссъ проводилъ Генриха до дверей—ни мистрисъ Анна, ни Элла не трогались съ мѣста. — Моя мѣсть, вообще хорошая женщина, ревнистая сторонница Стюартовъ; я много прощаю ей, уваженіе приказываетъ мнѣ молчать, сказала Пендерграссъ.

— Я знаю это, возразилъ Генрихъ. «Вы принесите большую жертву».

Пендерграссъ вѣзднулъ и пожелалъ Генриху. Лейбъ-гвардеецъ сошелъ на дворъ, гдѣ его ожидала лошадь и она проводника. Когда онъ хотѣлъ вскочить въ сѣдло, что-то промелькнуло за выступомъ стѣны.

— Элла — ты здѣсь? Ты хочешь мнѣ что нибудь сказать?

— Генрихъ, произнесла поспѣшно попомотомъ молодая дѣвушка, «названъ за дурной пріемъ, виновата я».

— Не старайся увѣрить меня, Элла. Я все знаю.

— Любимъ-ли ты еще меня? вспоминая ли о насъ? Какъ хотѣлось мнѣ поболтать съ тобой, но бабushа неумолима. Послушай. Твой король завтра вечеромъ будетъ у насъ — приходи бы и ты съ нимъ, на это никто не обратитъ вниманія. Я поговорю съ тобой съ тобою съ подчасъ.

— Это трудно будетъ устроить, Элла, сказала Генрихъ.

— Король пріѣдетъ сюда одинъ, безъ всякой стражи. Онъ хотѣлъ подать твоему отцу привѣтъ доверья, онъ будетъ почтывать у васъ въ домѣ совершенно одинъ.

Элла безпокойно осматривалась. «Какъ? совсѣмъ безъ стражи?» сказала она, вѣдронувъ.

— Конечно. Неужели-бы король долженъ быть нибудь опасаться въ домъ своего отца. Саръ Джонъ любитъ, но онъ дѣлаетъ мнѣ.

— О, мой батюшка—онъ ничего,—а вотъ бабushа.

Лейбъ-гвардеецъ сдѣлался безпокоенъ. «Гмъ, произнесъ онъ. «Твоя правда—я и буду вѣднѣи, но такъ, чтобы король ничего не зналъ. Намъ приказано провести ночь въ Илайденъ, но если ты пожелаешь поговорить со мною, то я приду отсюда».

— О, да, Генрихъ,—ты вѣдъ знаешь маленькія ворота башни, которая посреди парка; они будутъ открыты для тебя, дорогу ты знаешь».

— Да, я знаю дорогу. Она ведетъ въ комнату твоей покойной матери».

— Теперь эта комната моя.

— Хорошо, завтра вечеромъ около десяти часовъ я буду здѣсь;—а что скажетъ бабushа?

— Она не увидитъ и не услышитъ насъ; она показана не выходитъ весь вечеръ изъ своей комнаты, чтобы не встрѣтиться съ Оранжемъ. О—какъ я рада, что могу побесѣдовать съ тобою».

Генрихъ вскочилъ въ сѣдло — Элла еще разъ попрощалась и исчезла. Лейбъ-гвардеецъ медленно пошелъ назадъ въ Гуденфортъ.

— Во всякомъ случаѣ лучше, если я буду вблизи короля, сказала онъ, наворачивъ брони. Безпокойство Элла кажется мнѣ очень страннымъ. Если король захватитъ меня и останется недоволенъ, то у меня будетъ оправданіе въ томъ, что я хотѣлъ поговорить съ Эллою. Гм-гмъ, этотъ Килбурнхатъ производитъ на меня очень странное впечатлѣніе; что-то безпокоитъ меня и заставляетъ задумываться. Онъ громко восклицаетъ: «Мери! Мери! опять я встрѣчусь съ тобою».

Саръ Джонъ Пендерграссъ возвратился въ свою комнату. «Итакъ, я долженъ дѣйствовать», сказалъ онъ. «Если бы можно было отыскать Георга, то я объяснилъ бы ему, почему я долженъ

остаться дома. Союзники не могутъ меня заподозрить, если на сѣдущій день я расклянжу мнѣ причину моего неаян. Уйдя изъ дому, во время пребыванія въ немъ короля, я немедленно возбуду подозрѣніе — итъ, итъ, а долженъ остаться».

Пендерграссъ бросился въ кресло и погружался въ глубокое раздумье; тишина въ домѣ прерывалась неспрѣкательнымъ, гусанымъ шнѣмъ. Старая мистрисъ Анна шла своею вечернюю молитву.

Когда Генрихъ Робертъ возвратился въ Гуденфортъ, король уже отправился на покой. Лейбъ-гвардецы вѣкторое время оставались около дома, бошая и играя въ кости. Кругомъ было еще довольно оживленіе. Свѣта короля только что разошлось по квартирамъ.

— Ничего особеннаго не произошло? спросилъ Генрихъ одного изъ солдатъ.

— Ничего, кромѣ маленькаго сцены. Здѣшніе послѣдніе прогнали одну дѣвушку, которая терлась около окна. Говорятъ, что она папешка и кодулина.

— Какова она собой? спросилъ поспѣшно Генрихъ.

— Худощавая и хорошо сложена, — съ сверкающими глазами, длинными черными волосами. На головѣ у ней былъ темный платокъ.

— Это была она, пробормоталъ Генрихъ. Это была Бессъ Гунтъ, дочь контрабандиста. Какъ попалъ эта дѣвушка въ королевскій лагерь? Буду завтра осматривать.

(Продолженіе будетъ).

Плевелы въ пшеницѣ.

(Продолженіе).

Роза, вошедши на звонокъ графини въ комнату своей госпожи, застала ее сидящею у письменнаго стола. Четыре извѣстныхъ письма лежали у ея ногъ на полу, она писала нѣчто. Во время писанія графиня часто оборачивалась къ Розѣ и предлагала ей различныя вопросы.

— Графиня нѣтъ еще дома?

— Итъ, графиня.

— Я, воротясь, забыла спросить, куда онъ снова ушелъ?

— Я не знаю, графиня, но Жанъ вѣроятно....

— Да, хорошо, спросите Жанна. А если и Жанъ не знаетъ—пусть онъ сходитъ въ деревню, въ трактиръ, и спроситъ. Уже четыре часа. Я бы охотно провѣдалась сегодня. Вотъ дайте Жану эту золотую монету. Не знаетъ ли вы, не....

— Не въ тѣхъ ли графѣ? Итъ, графиня, его въ тѣхъ нѣтъ, хоти онъ еще любитъ бывать тамъ посѣбъ. Онъ сегодня, конечно, въ деревнѣ. Трактирный мальчишка пробралъ мимо на рынокъ въ Зеннеоре и говорилъ, что господинъ графъ заказалъ обѣдъ и купилъ вина и теперь обѣдѣетъ съ той бѣдной, большой женщиной, которая оказалась вовсе не молодой.

— А, вотъ какъ! тогда Жану нѣчего и ходить или, итъ, пусть лучше пойдеть и скажетъ графу, что я его ожидаю. Вотъ важъ за хлопоты. Если вы увидите трактирнаго мальчишка....

— О, я вижу и говорю съ нимъ каждый день, восклицаетъ дѣвица Роза, жадно хватая деньги, если я его увижу, то....

— То что? холодно прерываетъ ее, опомнясь, графиня.

Дѣвица Роза смущается и бормочетъ:

— Не разспроситъ ли ее о знакомомъ?

— Да, конечно, пожалуй, здѣсь такая скука, что можно ради разнообразія послушать и сплетни.

—

Роза отнимается въ людской Жанна, отдастъ ему пошлону напечатанныхъ для него денегъ и съ важностью говоритъ ему:

— Жанъ, ступай въ деревню, отдай эту записку барину графу, у знай какъ можно болѣе подробностей о незнакомомъ. Умъ хуже пшеницы—тѣмъ лучше. Теперь можно заработать деньги, понимаешь?

Жанъ отвѣщаетъ поцѣлуемъ.

— Эхъ! кабы мы съ тобой да имѣли свое хозяйство! восклицаетъ онъ.

— Теперь все возможно, отвѣчаетъ ему его любезная, надо только уметь пользоваться. Невѣрность, ревность, случилась деревенская жизнь, а мы—тутъ то и надо ловить рыбу въ мутной водѣ. Я все это знаю отъ матушки, недаромъ она была всею жизнью горничной въ богатыхъ домахъ у насъ совсѣмъ счастливыхъ барынь.

—

Часы пробѣжали пять, пробѣишь шесть. Графиня Дина своими пріачудами чѣтъ съума не свела свою камеръ-юфенру. По графини болѣе голова, то она хотѣла идти гулять, то ей хотѣлось читать. Ей страшно хотѣлось видѣть тетушку, но тетушка до сихъ поръ еще не возвращалась со своей прогулки въ деревню.

Вывали минуты, когда графиня останавливалась посреди комнаты, долго стояла и думала:

— Я бы хотѣла умереть.

Въ жизни женщины встрѣчаются такіе моменты отчаянія, причина котораго—несчастливая любовь. Молодая, прекрасная, здоровая — графиня Дина стала какъ дѣвочка, сломавший бурею. Ея самой казалось, что въ груди ее все умерло.

— Положеніе мое не можетъ быть хуже, думала она. Боже мой, онъ никогда меня не любилъ, но онъ по крайней мѣрѣ былъ мнѣмъ, принадлежалъ мнѣ одной! Я никогда не думала, что бы мои опасенія могли принятъ живой образъ! Второе дѣло послѣ нашей свадьбы мы жила въ Вебѣ, тогда онъ принесъ мнѣ Мау, и сказалъ, что это ребенокъ его родственника, которому мы должны помочь. Онъ рассказывалъ мнѣ такую трогательную исторію и уговаривалъ назвать, воротись, Мау нашимъ ребенкомъ. Я сдѣлала это, а открыла всему. Онъ казался такимъ откровеннымъ, а я была такъ счастлива! Маленькое сомнѣніе все такъ осталось въ моемъ сердцѣ. Я чувствовала, что это былъ его ребенокъ.

Боже мой, я такъ сильно вѣрила ему, а между тѣмъ ревновала его ко всему, къ нѣтъ, которому онъ срывалъ, къ собакѣ, которую ласкала, къ нѣмъ, которому онъ подавалъ милостыню! Это надоело ему, но я не могла поступить иначе! Это была любовь его! Боже! что же такое любовь? неужели отъ нея нельзя влѣститься! Что я буду теперь дѣлать? Я теперь совсѣмъ одинока, вполнѣ несчастна, потому что она здѣсь! Я знаю, и онъ не можетъ поступать иначе. Онъ долженъ идти къ ней. Я хотѣла бы уйти прочь отсюда! Я не могу его больше любить! Уже пять часовъ, а его все еще нѣтъ! Онъ казался, да не обѣдѣ. О, я знаю, онъ мнѣ опять расскажетъ какую нибудь трогательную исторію, цѣлый романъ. Теперь я не повою ему. Негодяй! до сихъ поръ его нѣтъ! Боже, Боже! но гдѣ же тетушка! что тамъ теперь дѣлается? Какъ хотѣла бы я развидѣть его!...

—

Четверть часа спустя, графиня входила въ комнату графа; въ первой комнатѣ сидѣла, заперъ надъ каминомъ романомъ, камердинеръ графа. Дина разбудила его легкимъ прикосновеніемъ къ плечу. Толстый камердинеръ вскакивалъ и, почтительно поклонившись своей госпожѣ, спрашивалъ:

— Что прикажете графиня?

— Много мужа нѣтъ еще?

— Итъ, графиня.

— Хорошо, мнѣ нужно найти одну телеграмму; письменный столъ открытъ?

— Какъ же жить въ китайской вазѣ, графиня. — Хорошо.

Графиня прошла въ кабинетъ. На щикъ камердиера промелькнула самодовольная улыбка.

— Ну, сала Богу, проворачалъ онъ, пробѣжала наконецъ чорная толпа; холостая жизнь куда приятнѣе и доходнѣе.

Графиня Дина между тѣмъ рылась въ письменномъ столѣ, но она не разсматривала бумагъ, она открывала ящики, прищипывала пуговки, вѣсивъ ихъ потягивая отбѣдѣнъ. Наконецъ поиски ея увѣнчались успѣхомъ, она нашла цѣлую паку писемъ, писанныхъ женской рукой. Въ письмахъ въ мѣху ея оказались съ интимнѣйш. смѣхъ.

Уходя, она сказала камердиеру: — Не говорите мнѣ, что я искала телеграмму, она вѣрно у меня.

Графиня была увѣрена, что камердиеръ, не смотря на данную ему золотую монету, непременно проговорится, и доноситъ графу. Она знала, что поступала дурно въ отношеніи своего мужа, но что было ей дѣлать? Чорная ренессанс оналдѣ бѣдной женщиной. Ей было все равно. Цѣлы были достигнута, письма соперницы были въ ея рукахъ.

Что значили для нея эти письма? она была и безъ нихъ увѣрена въ побѣдѣ. Каждая строка только разрывала бы ея, и безъ того истерзанное, сердце. Не развернуть писемъ, она бросила ихъ въ уголъ комнаты.

Въ эту самую минуту, подобно порыву вѣтра, порывался въ комнату тетюшка Мирта, и восклицала:

— Моя бѣдная душечка! Я теперь знаю все! Тетюшка забыла снять свою шубу, и закончить въ свои объѣты Дину, стола, изображая на себѣ неждѣй, обивающаю молодую стройную асень.

— Я знаю все. Ее зовутъ Реа.
— Реа! Этихъ именъ подписаны всѣ письма.
— Да, да, Реа! Трактирная хозяйка все подсказывала изъ соседней комнаты. Она все мѣй рассказывала. Хотя она сама ничего не понала, кромѣ отрывочныхъ словъ, потому что изверги говорили шепотомъ. Она была тѣмъ то недовольна. Они говорили другъ другу тм.

— Ты? Еще бы! кто же мѣй теперь дѣлать! Тета, какъ мѣй поступить?

— Дѣлай, какъ знаешь. Что онъ тебѣ обманываетъ—это вѣрно. Ты должна или простить его, или...

— Тети!
— Или развестись съ нимъ. Но для того, чтобы развестись, ты слышишь его любви.

— Я? Любю его? Презрительно проговорила Дина. Боже она не сказала ни слова.

Тетюшка Мирта отвернулась отъ нея, тутъ ея кошачьи глаза замѣтили на полу пакетъ съ письмами. Она торопливо подняла его и спула въ карманъ.

Тетюшка выжидала, чтобы Дина заговорила первая. Долго молчала бѣдная женщина, прежде чѣмъ была въ состояніи снова заговорить.

А между тѣмъ тетюшка все потѣла въ своей шубѣ, наконецъ она вспоминала оебъ ней.

— Mais il faut que je quitte ces fourreaux! сказала она, намъ надо, другъ мой, еще о многомъ переговорить. Пойдемъ ко мнѣ, я не могу оставить тебя одну, ты, покажи, опять будешь плакать.

Графиня Дина все еще продолжала стоять посреди комнаты, впервые глаза въ медвѣжьи передъ окномъ сѣдланныи плава. На ней было надѣто палившее зимнее платье, цѣмъ было, золотистые волосы ея падали на плечи, она была спокойна, очень спокойна, когда произнесла слова: — Паваки! о немъ?!

Въ эту минуту она дѣйствительно похоронила въ сердцѣ свою любовь. Спокойно проводила она

тетку въ ея комнату. Отъ внутреннего волненія, жара мѣла и собственной шубы тетюшка совершенно раскисла.

Вышедши изъ комнаты, онъ въ концѣ коридора встрѣтился только что возвратившагося графа Христанъ.

— Добрый вечеръ! восклицалъ онъ, обращаясь къ дамъ.

Его фигура, его голосъ произвели на Дину магическое дѣйствіе; погребенная любовь ея слова возродилась, какъ огонь изъ похъ пепла. Ею овладѣла страшная ненависть къ этому любимому человеку, ненависть такая, которая дала бы ей силу побѣдить невѣрнаго. Она вырвалась изъ рукъ тетюшки, подбѣжала къ мусу, сорвала съ руны заѣтый браслетъ, свадебный подарокъ, бросила его въ лицо измѣннаго графа и затѣмъ, въ изнеможень, упала на руки подосѣвшей тетю.

— Что это значитъ? сердито и вѣбѣ испуганно восклицалъ графъ.

— Ничего! промѣшала тетюшка. Дина опять страдать мигренью, уйдите отсюда и позвоните Роуэ и Суан. Поскорѣй, ваше присутствіе портитъ все дѣло. Подите, вы ничего не понимаете да поскорѣе же!

(Продолженіе будетъ).

ЦЕЗАРЬ КАПАРРА.

Фантастическій разсказъ.

(Продолженіе).

Пробѣжавъ нѣкоторое время, флорентинецъ осматривался. Онъ съ большимъ трудомъ узналъ мѣстность, въ которой находился. Это былъ въгорышій кварталъ, представлявшій груду развалинъ, мимо которыхъ онъ разъ уже проходилъ; заворевые мѣзаны заражали воздухъ этой мѣстности. Ноги Цезаря ежесекунтно впаали въ глинистой землѣ, замедлявшей его шагъ.

Съ большимъ трудомъ вылезъ онъ на порядочную дорогу; онъ очутился въ мѣстѣ города, откуда рѣдко мѣй посмѣивающъ, и заблудился въ туль въ ясный день, не только ночью. Еще и другая причина задерживала его на пути: всѣхъ-стѣи-ли ослѣпленіе, уснащенное еще нѣмъ видѣніемъ, или благодаря быстрому переходу изъ внутренности напѣтаннаго бѣлоухающими погребѣ на открытый воздухъ, Капарра почувствовалъ во всемъ организмѣ необычайную тѣготу.

Глазнымъ образомъ страдала голова; передъ его глазами начинали вертѣться въ предметы. Это первое потрясеніе отказалось также на ногахъ, которые потеряли свою гибкость.

Провалилъ-ли старухи, или перемѣны пѣстѣй правнственнаго потрясенія такъ сильно повдѣствовали на флорентинца. Всѣ странности этого вечера переминались въ его головѣ. Мигамъ предстали ему дочерью Матуса; Гертруда же называлась за козодство, на пошлѣи Флоренціи. Капарра былъ въ восторгѣ отъ этой перемены и представлялъ себя идущимъ съ новою невѣстой въ свой отѣвъ.

Наконецъ ему удалось преодолѣть свое заблѣи и выйти на настоящую дорогу. Онъ быстро пустился по ней, не чувствуя ничего другого, кромѣ сильной мигрени, сжимавшей ему виски.

На нѣкоторомъ разстояніи отъ дѣднѣшника дома, ему позначились вблизи человѣческая фигура вверхъ ногами, очень походившая на старую Саади.

Было очень поздно, когда онъ вошелъ въ домъ Матуса. Всегда довольное лицо стараго бургомистра выражало уныніе.

— Цезарь, сынъ мой, сказалъ онъ, я вовсе не желаю слышать вашихъ дѣйствій, потому что мой домъ всегда открытъ для сына моего брата.

— Если же сегодня мнѣ не было пріятнымъ ваше долгое отсутствіе, то потому только, что я хотѣлъ поговорить съ вами обо всемъ серьезной вещи. Однако, теперь уже далеко за полночь, вы вѣроятно, устали и потому мы можемъ отложить разговоръ нашъ до завтра.

— Я уже давно легъ-бы спать, если бы не одно обстоятельство, очень удивившее меня: намъ только что принесли большую скрипку, если судить по футляру.

— Гертруда отнесла ее въ вашу комнату.
— Кромѣ того, мѣй передалъ свертокъ и маленькій ключъ отъ футляра. Вы найдете все въ вашей комнатѣ. Идите отдохнуть, мой другъ, и не забудьте, что завтра я хочу совершить съ вами продолжительную прогулку.

Старый добрякъ ушелъ, нѣсколько успокоившись; Капарра, въ великой радости, быстрыми шагами направился въ свою комнату, находившуюся на концѣ дома.

— Старуха сдержала слово, говоритъ онъ, отворяя дверь; эта пропалая скрипка заигривала меня до послѣдней стѣны.

Все было тутъ, какъ говорилъ дядя: свертокъ и маленький ключъ на столѣ, возлѣ кровати, а лишь чорнаго дерева оловъ оловъ.

Онъ нетерпѣливо открылъ его, отдернулъ чорный ремень и внимательно осматривать.

Это дѣйствительно была необыкновенная скрипка, которую онъ видѣлъ у Саади позадѣи горѣвшихъ треножниковъ. Онъ вынулъ инструментъ съ большимъ предосторожностью, снялъ съ него чорный бурхатный чехолъ и подошелъ въ лампѣ, чтобы внимательно оглядѣться.

Большіи пошлѣи Капарра, простирившіяся на всѣ произведенія знаменитыхъ мастеровъ, оказались въ этомъ случаѣ безразличными.

Невозможно было рѣшить, какому изъ извѣстныхъ скрипичныхъ фабрикантовъ принадлежалъ этотъ инструментъ. Никогда еще Кремена или Падуа не выпускали изъ своихъ знаменитыхъ мастерскихъ такой тѣмъ отточившей и вѣбѣ съ тѣмъ странной формы.

Дина была не клевоная, не елованъ, не чорнаго дерева, но изъ дерева, весьма неважнаго Цезарю. Спустя нѣсколько минутъ, онъ открылъ одно обстоятельство, довольно неприятное; дерево скрипки издавало ароматъ, который дѣлался все сильнѣе, по мѣрѣ того, какъ скрипку дѣтали.

Флорентинецъ сначала не замѣтилъ присутствія зловоннаго запаха. Онъ пересоворачивалъ инструментъ, разсматривая его со всѣхъ сторонъ и удивлялся необыкновенной его злуности. Достаточно было малѣйшаго прикосновенія къ дѣтѣ, чтобы вызвать сильную вѣбраную струну.

Появившіяся запахъ привлекъ наконецъ его вниманіе, произвождая неприятное впечатлѣніе на нервы; онъ былъ очень удивленъ, найдя его исходящимъ отъ скрипки.

Тѣмъ не менѣе Капарра желалъ узнать ея тонъ и исказъ смѣхъ. Въ изидѣй его не оказалось, а свой отъ оставилъ въ нижнемъ этажѣ. Но прежде, чѣмъ оставить инструментъ, онъ дотронулся пальцемъ до струны соль въ басу... послышались ужасные звуки, нѣчто въ родѣ продолжительнаго рычанія. Въ ту же минуту басовая струна задрожала съ столь же грознымъ шумомъ и сильно ударила по лицу Капарра.

Онъ хотѣлъ помянуть за концѣ быстро спущившуюся струну, но едва прикоснулся къ ней пальцами, какъ она сильно отдернулась назадъ, оставивъ у него на руцѣ широкій шрамъ. Въ ту же минуту оловъ удивленнаго итальянца раздались крикливые звуки, завопившіяся каскадомъ рыканья смѣха, очень страннаго для уха.

Между тѣмъ удушанный запахъ становился невыносимъ.

Капарра рѣшилъ отложить до завтра болѣе подробное изслѣдованіе инструмента. Укладывая скрипку въ футляръ, онъ былъ убѣжденъ, что

неопредѣленное желаніе пріобрѣсти ее не могло быть сдѣлано дурного внушенія.

Тотъ инструментъ былъ поразительно хорошъ... Только вотъ происхождение его было окрашено какой то непріятною тайной... Его нельзя было назвать просто скрипкой. Онъ представлялъ нѣчто среднее между тѣмъ и другимъ, будучи въ то же время совершенствомъ искусства.

Флорентине заперъ ящики и подошелъ къ окну, чтобы подышать свѣжимъ воздухомъ, котораго не хватало въ комнатѣ; онъ чувствовалъ тѣготу во всемъ тѣлѣ.

Долго до постели, онъ почувствовалъ сильное головокруженіе, такъ что едва въ состояніи былъ раздѣться и лечь.

Противъ постели Канарра висѣла на стѣнѣ чѣтыреугольная дубовая доска, съ рельефными рисунками чрезвычайно дивной фантазіи.

Онъ представлялъ сцену въ маскардѣ.

Зада безъ всякихъ украшеній, съ массивными стѣнами изъ огромныхъ тесаныхъ камней. Въ одномъ углубленіи стѣны стоялъ треножникъ съ лампой, тускло освѣщая сцену дѣйствія.

Впрямую, какой нибудь злобный духъ одушевлялъ художника при исполненіи этого барельефа. Въ глубинѣ сцены испуганные музыканты убѣгаютъ изъ оркестра, спасаясь съ выраженіемъ панического страха. Гости, наряженные въ разнообразные костюмы, умиряютъ въ судорогахъ на переднемъ планѣ сцену, выставивъ изъ подъ масокъ покрыты мертвеной бѣдностью лица. Фигуры этихъ умирающихъ исполнены чрезвычайно отчетливо и выразительно, свидѣтельствуя о талантѣ художника.

Странная картина, способная привести въ ужасъ перваго человека.

Главная личность, служащая причиною катастрофы, стоитъ посреди зала, господствуя надъ тою же съ выраженіемъ неограниченной власти: это свѣтаетъ.

Онъ драпированъ въ савант, собранный въ искусныя складки; отблески свѣта даютъ рѣзкія тѣни на матерію, повсюду вдающейся, за недостаткомъ яса. И во всемъ исполненіи необыкновенная поднота.

Эта фигура выдѣлаетъ своею величественной основой, она господствуетъ надъ всѣмъ. Послѣ перваго взгляда на картину, нельзя отвести отъ нее глаза; она притягиваетъ. Идея передана отлично, контрастъ поразительный; то, что должно бы жить, говоритъ ему о счастіи, умираетъ и наводитъ на мрачныя мысли; то, чему слѣдуетъ быть мертвымъ, навѣяны покрыты зеленымъ саваномъ, напротивъ, обладаетъ всѣми признаками жизни и жизни счастливой.

Въ сумѣхъ дѣлѣ, есть оригинальное произведеніе. Угрюмія восты свѣтаетъ плавно и грандіозно движутся. Онъ танцуетъ, аккомпанируетъ себя на скрипкѣ.

Голова мертвеца, кокетливо склоненная въ инструменту, притворно улыбается, какъ бы выражая большое удовольствіе отъ учиненной имъ шалости. Мертвецъ не одинъ въ залѣ. Позади сидитъ существо, подобное ему.

Этотъ послѣдній, очевидно, выходитъ съ того свѣта, не имѣетъ такой жизненности, какъ первый. Онъ исполненъ неуловимости и безстрастности, свойственной свѣтлостямъ; облаченный въ свой савантъ, какъ въ мѣсто, онъ холоденъ, замкнутъ; въ правой рукѣ онъ держитъ бичъ съ металлическими концами и сидитъ, скорчившись, у выходной двери, черезъ которую никто не можетъ пройти, минуя его руки.

Подъ картиною написано объяснительное слово, только одно, по нѣмцы. Безошибочно сообщать значеніе этого слова; оно составлено изъ слоговъ, одно произношеніе которыхъ можетъ навести ужасъ!

Это самое думалъ Канарра, разсматривая картину, въ безразномъ ожиданіи яса, который не приходилъ къ нему. Разныя причины не позволя-

ли ему успокоиться. Во первыхъ мучительное обнужденіе болѣзненныхъ симптомовъ, безпокойствъ его уже было чаша.

Дрѣвъ пробѣгла по всей его кожѣ, сосредоточившись главнымъ образомъ на похолодѣвшихъ конечностяхъ.

Затѣмъ, подробности пребыванія у Саади возобновились у него въ умѣ въ этой тишинѣ и группировались въ строгой послѣдовательности. Онъ не могъ выкинуть изъ головы мѣлкихъ подробностей преступленія. Все, что онъ говорилъ старухѣ, вставало передъ нимъ слово въ слово, подобно нѣкоторымъ музыкальнымъ мотивамъ, которые повторялись противъ воли.

Самая строгая логика багроватому не могла удалить этихъ неотвѣчившихъ мыслей. Впрочемъ, во всемъ этомъ истина не являлась ему замаскированнымъ въ фантастическій образъ, онъ понималъ всю грубость средствъ, употребленныхъ въ цѣлю подвѣствовать на его умъ.

Канарра ясно видѣлъ всю постановку зала старой Саади, чтобы заставить его жениться на ея дочери. Соблазнительная картина, которую представляла Миріамъ, распростертая на своемъ роскошномъ ложѣ, колесница музыкальных инструментовъ въ погребѣ, — все это было ясно, бросалось въ глаза, все, даже метафизика старой колдуны.

Всѣ эти средства казались Канаррѣ очень грубыми; однако, смыслъ нѣкоторыхъ частей совершенно ускользалъ отъ него: напримеръ, ароматическія пары, распространявшіяся вокругъ инструмента; отвѣтъ старухи: «этотъ запахъ долженъ уничтожить другой». Какой другой? Былъ ли это тотъ тѣлесный ароматъ, который еще и теперь была полна комната?

Не смотря на упорную неотвѣчившую занимавшихъ его мыслей, Канарра не могъ не слышать продолжительнаго шума, начавшагося съ тѣхъ поръ, какъ онъ легъ въ постель; шумъ этотъ походилъ на жужжанье, подобное тому, какое производятъ крыла большихъ жуковъ.

Шумъ все усиливался, но такъ какъ вмѣстѣ съ тѣмъ увеличивалась и болѣзненное состояніе флорентина, то онъ объяснялъ все приливомъ крови въ головѣ.

Чтобы разсѣяться, онъ машинально взялъ со стола свертки, чтобы протирать подарокъ старухи. Эта рукопись была очень странно написана. На черномъ пергаментѣ, нотныя строки ярко выдавались въ видѣ бѣлыхъ слезинокъ.

Флорентине не могъ не замѣтить при видѣ такого соопленія со всѣмъ предшествовавшимъ, онъ тѣшито старался понять что нибудь изъ этой композиціи и наконецъ безотчетно уронилъ свертки на дѣло.

(Окончаніе будетъ).

ЖЕНСКАЯ ЛЮБОВЬ.

НОВЕЛЛА ФРАНЦА ФОНЪ-НЕММЕГШОРА.

(Продолженіе).

Она уютно помыслалась на диванѣ, въ своей особенной позѣ, и же усѣлась, какъ мотъ удобнѣе, на плохонъ креслѣ.

— Знаете-ли, какъ попалъ ко мнѣ Федоръ Михайловичъ, Францъ Петровичъ?

— Итъ, а только всегда видѣлъ васъ вмѣстѣ. — Мой отецъ былъ дворянинъ и покровитель, но богатый, ни бѣдный и съ огромной семьей. На меня, почти еще въ ребяческомъ возрастѣ, уже пала забота о младшихъ братьяхъ и сестрахъ. Мнѣ-же, конечно, приходилось ухаживать и за болѣзными отцомъ. О, ужасны были тѣ ночи, въ которыя мои молодые глаза не знали сна!

— Вы подтверждаете вѣстную истину: если человѣку и удастся пріести какую нибудь жертву, то онъ самъ со ней никогда не забудетъ.

— Весьма естественно, если отъ этой жертвы ему приходится жить.

— Когда отецъ выздорѣлъ — меня, въ награду, повелъ на балъ; тамъ увидѣлъ меня тогда, что возвратившись изъ за границы князь III. Черезъ мѣсяцъ, мы съ нимъ были обѣднаны. Мнѣ было шестидцать лѣтъ, а ему пятидесятъ.

— Немного неровная партія!

— Онъ никогда и не былъ мнѣ мужемъ, а скорѣй господиномъ. Женился онъ на мнѣ по напору и продолжалъ капризничать всю жизнь. Вы спросите, почему а терѣла и оставалась съ нимъ?

— Онъ всегда ставилъ мнѣ приманкой свое огромное наследство.

— Такъ вотъ тѣмъ, держится большая часть супруженія. Идѣла-бы я узнать, сколько процентовъ приходится на долю любви?

— Однажды князь привезъ изъ какого-то путешествія мальчика. Это былъ Федоръ Михайловичъ и князь привезъ мнѣ его на зано. Какъ только я становилась менѣе уступчива, меня пугалъ возможность предостанитъ наследство крестнику. Впрочемъ, мнѣ недолго пришлось видѣть Федора Михайловича; онъ наскутилъ князю и былъ отданъ въ какое-то казенное заведеніе. Возвратившись однажды изъ деревни, мужъ мой встрѣтилъ ударомъ. День прошолъ въ отпѣннѣи отъ печальности. Я узнала отъ сенатора Смирдина, что записаніе сдѣлано княземъ еще задолго до вступленія въ нашъ домъ Федора Михайловича, такъ что я могла наконецъ считать себя наследницей, богатой и свободной. Чудное было чувство сознать себя госпожою въ томъ домѣ, гдѣ двадцать лѣтъ прозабала рабой. Поздно вечеромъ, сидѣла я одна со своей коринѣицей. Марья часала мнѣ тогда.

— Ну вотъ, душевная, и настало то времяко, про которое я твердила тѣмъ, когда ты такъ горько плакала невѣстой.

— Да, и я сейчасъ же воспользовалъ своимъ правомъ, вкрѣтила я. Я вспоминала въ эту минуту, что встрѣтилъ возвратила, окончивъ свое воспитаніе и асталъ благодѣлѣ жертвѣмъ. Я не могла пускаться въ себя Федора Михайловича, а теперь приказываю, чтобы его сію же минуту не было въ моемъ домѣ.

Будь поможности, говорила Марья: не будѣть тебѣ Божію благословенію за жестокость!

— Молчи! Дай мнѣ сторулевую ассигнацію; этого довольно для ништяго!

Не слухая убѣивающаго Марья, я вырвала у ней свѣчку и пошла, какъ была, съ распушенными волосами, въ комнату Федора Михайловича. Юноша лежалъ въ постели. Глаза его опули; впрямую, онъ заснулъ въ слезахъ, по пріятной сонъ вызывавъ радостную улабу въ ту минуту, какъ я подошла къ нему. Куда дѣвалась вся моя злоба!

Тихонько потрѣсла я его за руку; онъ открылъ большіе голубые глаза и робко, съ любовью, посмотрѣлъ на меня.

— Будѣте своимъ въ моемъ домѣ. Федоръ Михайловичъ. Я буду продолжать доброе дѣло, начатое княземъ.

— Онъ, очевидно, не ожидалъ этого. Лицо его покрывалось красной отъ радости и онъ горнито сталъ вѣдывать мои руки. Изнай, воспитанный въ холѣ, юноша болѣе ничѣмъ, ожидая его за порогомъ моего дома.

Книгина замолчала.

— Съ тѣхъ поръ Федоръ Михайловичъ и жилъ у тѣхъ поръ спрашиваю я.

— Почти. Однажды онъ сдѣлалъ такъ нахалѣ, что я прогнала его. Въ другой разъ, я хотѣла ухватить отъ него тайно, но онъ опять нахалѣ меня.

— А гдѣ онъ теперь? Не у меня, какъ видите!

— Опять лицо книгини позорилось и поблѣгло.

— Федоръ Михайловичъ катался на лоша- дяхъ князя, жилъ въ его комнатахъ, велъ кня-

жескую жизнь, какъ же не быть неблагополучнымъ послѣ этого!

— Можно спросить, почему вы теперь въ Меранѣ?

— Я живу!

Это произошло было съ эмминымъ шпильцемъ.

ГЛАВА ВТОРАЯ.

Выходя изъ «Почты», я чувствовалъ потребность освѣжиться чудеснымъ воздухомъ, отъ порчитухахъ такъ свирѣлыхъ впечатлѣній и скоро оставилъ за собою деревню Оберманъ. Впереди меня мягко сныли горы. Лѣсистая тропинка вела къ верху.

Встрѣчи не часты въ этомъ божественномъ уединеніи, однако я явственно услышалъ шаги и притомъ на столько легкіе, что ихъ нельзя было принять за крестьянскіе. Скоро передо мною очутилась фигура въ модномъ нарядѣ и законовъ салюта, плохо пригодномъ для странствованія по горамъ. На тонкой рубашкѣ сверкали бриллиантовые запонки. Мы узнали другъ друга.

Годы не безслѣдно пронесли надъ Федоромъ Михайловичемъ; онъ замѣтно поновѣлъ, но смотрѣлъ все совсѣмъ молодою.

— Странно, что княгиня III. не сказала мнѣ, что насъ можно здѣсь встрѣтить, замѣтила я, послѣ первыхъ привѣтствій.

— Развѣ княгиня въ Меранѣ? изумленно спросила мой собеседникъ.

— А вы не знали этого?

— Съ нѣкоторого времени мы съ ней невидимся.

— Мнѣ это кажется почти невѣроятнымъ.

— Есть цѣль, т. е. я хотѣлъ сказать вамъ, до того вѣсившая въ нашу жизнь, что ихъ никто не разоршилъ окончательно. Приходится до смерти водолить за собой ихъ обломокъ.

— Что же вы дѣлаете здѣсь одни, Борховскій?

— Скучаю! Развѣ возможно другое даніе въ горяхъ Тироля.

— Можно, напримѣръ, отрезвиться здѣсь отъ городского шума, стряхнуть съ себя княжью пыль и впечатлѣнія отъ людской мелочности. Онъ покажетъ намъ и животнаго.

— Вы застали княгиню одну?

— Да; то есть въ ее обычной обстановкѣ, съ Варенькой и ея матерью.

— Она совсѣмъ отдалась въ руки этихъ людямъ. Противную обманку, выучку своей кормилки, она постоянно держитъ при себѣ и, несмотря на мою убоищину, сдѣлала управляющимъ въ своемъ имѣніи ее отца. Это ужъ достаточно серьезно; но еще хуже настоящіе родственники княгини.

— Понимаю. Богатая бездѣтная вдова окружена особами, спекулирующими на ея несчастіи.

— Да, это цѣлая стая вороньихъ пугалъ. Княгиня видитъ ихъ насквозь, прогоняетъ и опять принимаетъ въ себя и такъ вѣчно.

— Это видно забавляетъ ее ситцевостью.

— У ней претранный наборъ развлеченій. Есть и еще одно: мечта обѣе устройствъ дворянъ дома въ Орловскомъ имѣніи.

— Это очень на нее похоже. Для нея наступитъ время выкупить добрыми дѣлами кое-какіе грѣшны, совершенные въ теченіе жизни.

— Ну, на этотъ выкупъ потребуется такъ много, что мнѣ не останется ничего послѣ ея смерти. И вѣдь ближайшіе родственники со стороны покойного князя.

Я знаю, что это неправда, но Федоръ Михайловичъ такъ часто повторилъ эту скалку, что, кажется, наконецъ самъ ей повѣрилъ. Княгиня III. изъяскала ползу изъ уроковъ покойного мужа. Какъ прежде ей самой ставили пугаломъ крестьянка, такъ и она теперь страдала бедою Михайловича вдовьями домомъ и своей родней, чтобы лучше держать его въ рукахъ.

Тѣмъ неудовольствіемъ лежала на красивомъ лицѣ моего спутника; мы шли нѣскольکو времени молча.

— Вы, кажется, что-то пишете? обратился ко мнѣ Федоръ Михайловичъ.

— Точно такъ.

— Берегитесь ошибки большей части романистовъ, которые главной причиной всего ставятъ любовь. Любовь есть только эпизодъ въ жизни и переживаетъ гораздо легче, чѣмъ всякое другое наслажденіе. Истинное несчастіе состоитъ въ томъ, когда съ жирныхъ салютовъ, перейдемъ на ситное матово.

И Федоръ Михайловичъ лѣзвено принялся заговѣтывать свои парижскія перчатки.

Изъ за земли немыслима была стѣна, обещающая отдыхъ и подлѣрженіе.

— Вы встрѣтите здѣсь Викторию... Г-жу Смирнову, поправился Федоръ Михайловичъ.

— Очень пріятно!

Я послѣжалъ къ блѣдному домику и почти не слышалъ прощальнаго привѣтствія моего спутника.

(Продолженіе будетъ).

ФЕЛЬЕТОНЪ.

Вывѣшенная вѣсна съ ее спутниками оспой и холерой.—Черты нѣкоторыхъ петербургскихъ врачей. Ихъ челоуѣчность въ дѣлѣ поланія помощи заблѣвающимъ.—Мой взглядъ на докторовъ.—Вѣрные средства для подлѣрки здоровья.—Публичные лекціи, читаемыя въ клубѣхъ.—Завлеченіе г-жи Чебриковой.—Преставленіе г. Валле.—Взглядъ одной воспитанницы женскаго учебнаго заведенія на современнаго учения.—Покрама книгъ въ публичной библиотекѣ.

Хотѣлось бы поговорить о погодѣ, да не сибѣе: не пришло. Фельетонисты петербургскихъ газетъ тотчасъ поднимаютъ на смѣхъ; имъ же нуженъ предметъ для смѣха. Итъ, не дамъ имъ этой нити, пусть пошутъ советомъ для своихъ фельетонъ, сюжетовъ возвышенныхъ, загадочныхъ, туманныхъ, пусть они потѣшаютъ публику великимъ зрѣлищемъ бою литературныхъ гадзидаровъ, пусть для достиженія побѣды прибѣгаютъ ко всевозможнымъ и невозможнымъ ухищреніямъ, къ браню, отъ которой иногда порой стынешь въ жилахъ читателя, въ разныхъ *lour de force*... а я не войду въ ихъ арену и стану говорить ужъ если не о погодѣ, то о времени года. Предметъ довольно серьезный и можетъ послужить нѣкоторымъ образомъ сюжетомъ для ученаго диспута. Такъ напримѣръ, всѣ ученые, и поэты въ особенности, признаютъ весну, красу природы, да что такое прекрасное, что можетъ быть оцѣнено образомъ прелестной дѣвы съ вѣнкомъ изъ ландшей на головѣ. (Я имъ аналогичъ съ флорой и потому совсѣмъ не помню, какіе еще цвѣты платаютъ въ вѣнокъ дѣвы весны). А между тѣмъ, я не признаю этихъ прелестей за весной и даже готовъ вступить въ самый жаркій споръ съ учеными поэтами и доказать имъ, что весна есть самая пропавшая дѣва, и даже въ паружности ее нѣтъ ничего привлекательнаго. Она и беретъ только тѣмъ, что непосредственно сдѣлается за зимою, этой безобразной кашинской старухой; а не будь этого—много бы она утратила въ мѣсяцъ похотѣны. Ну хоть настоящая весна въ Петербургѣ... гдѣ же ее прелестъ, гдѣ тѣ цвѣты, которыми поэты вѣнчаютъ ее? Если ужъ необходимо надѣть ей что либо на голову, то вмѣсто цвѣтовъ придется сплести для нея вѣнокъ изъ вѣнчиковъ. А относительно ее отрицательности, не правъ ли я? Кто изъ фельетонистовъ рѣшится упрекнуть меня въ клеветѣ, назвать меня несчастнымъ завѣжикъ и прочими несчастными наименованіями? Взгляните сами на нее и судите, въ какомъ видѣ она появляется

предъ нами? Вся въ оспѣ и съ припадками холеры. Одно ее появленіе какою-то суматохою. Народъ въ ужасѣ бросается въ воспитательный дворъ, наполненъ приемыши полонъ полиповскихъ частныхъ домовъ; кричатъ: «спасайте, роса пришла, оспу принесла...» приваивайте насъ оспу, а если можно, такъ ужъ кетати и холеру приваивайте! Стали прививать всѣмъ оспу, да уже сплатьмъ много явилось на насъ охотниковъ: оспа не хватало, ну и доктора совсѣмъ изъ силъ выбились. Совсѣмъ немощаю, такъ что, не смотря на благодѣтельные распоряженія правительства и дущину челоуѣчности сдѣланными имъ приглашенія докторамъ, эти бѣдняки и ушнъ заткнули для гласа челоуѣчности и стали не скамываться дома, когда ихъ призывали ночью, въ заболѣвающихъ холерой. Когда же одинъ изъ нихъ, по долгу своей профессии и прибавъ къ такому болѣзному, то прежде всего сдѣлалъ выговоръ хозяйкѣ семейства, въ которому принадлежалъ болѣзній, за то, что она, не заставъ его дома, позволила ему нескать другихъ докторовъ (иъ которыхъ, впрочемъ, ни одинъ не явился), а не ожидала, какъ-то-важно, сполноу его прібытія. Возраженій, что болѣзній могъ умереть, докторъ не принялъ, но разгнѣванный поспѣвовалъ давать болѣзному глотать ледъ и за тѣмъ уѣхать. Что, если правительству не удастся усмирить этихъ господъ вои, доволные получаемыми ими отъ правительства жалованьями, захотятъ покориться въ своихъ, устроенныхъ съ соблюденіемъ всѣхъ санитарныхъ условій, постельхъ,—нѣтъ бѣды и только! Впрочемъ, сибѣу оговориться, что это восклицаніе не есть выраженіе моихъ собственныхъ чувствъ. Напротивъ, я того убѣжденъ, что тѣмъ рѣже дурные эскулапы являются у постелей болѣзныхъ, тѣмъ чаще болѣзны встаетъ къ постелѣ. А скажите, много ли хорошихъ между ними? Не труднее ли отвѣчать, а согласитесь, что весна прелестное время года. Она заставляетъ насъ знакомиться со докторомъ,—а что можетъ быть хуже этого?

Я не знаю степени доктора, но тѣмъ же менѣе владѣю запасомъ свѣдѣній, весьма пригодныхъ въ настоящее время. Вѣсть мой рецензъ, за который я удостоенъ одобреннаго отзыва петербургскаго финаната: Въсь поменьше, спать побольше, разсѣлать иррациона думы пріятными обшествомъ, чтеніемъ, не затрогивающимъ нашего мозга, какое доставляютъ намъ фельетонъ, театральныя притяжн; избѣгать вступлѣнъ съ кредиторами, всегда одаренными свойствами портить пишевареніе; работать умеренно, пать... чай, если угодно, отъ другихъ же нѣтъ сдѣлается воздержаніе. Буде кто страдаетъ безсонницей, что очень вредно, тому совѣтую посылать лѣченію по такимъ отразамъ ананій, о которыхъ онъ слышалъ только стороной, да и то вскользь. Въ такомъ случаѣ, дѣйствіе нѣтъ будетъ гораздо сильнѣе нѣкоторыхъ наркотическихъ средствъ, а между тѣмъ вѣра положительно никакого. Впрочемъ, при употребленіи этого средства сдѣлается соблюденіи нѣкоторыхъ предосторожности, въ особенности при выходѣ изъ клуба художниковъ, гдѣ нѣкоторые, какъ о томъ заявляетъ г-жа Чебрикова, хватаютъ за ноги дѣва. Показаніе, что это не болѣе, какъ невнятная шутка, но эти шутки производятъ испугъ, а испугъ дѣйствуетъ на нервы жезуалю, что совсѣмъ не кетати по теперешнему времени. Посѣтителыни клубъ могутъ, однакожъ, легко избѣгнуть неудобствъ этой шутки: имъ сдѣлается только затвердѣть наизусть изъ заявленія г-жи Чебриковой пріемыши офицера съ синими воротничками, занимающаго этого рода шутками и при появленіи его принимать заблаговременно свои мѣры. Я даже хочу въ мой рецензъ включить вѣстную дозу шутки, но только другого свойства, и потому совершенно иначе дѣйствующихъ на наши нервы.

Этого рода шутки можно видѣть въ вѣжливомъ театрѣ, во время представленія прѣстидижи-

